

Ярослав КАУРОВ

Родился в 1964 году в Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт. Работал невропатологом, врачом линейной бригады скорой помощи, на кафедрах патологической анатомии, токсикологии. Доктор медицинских наук, автор 32 изобретений, 2 монографий и 1 открытия.

Автор 13 стихотворных сборников, печатался в газетах, журналах и альманахах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Правда», «Москва», «Литературная газета», «Юность», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «День поэзии» и других. Шеф-редактор литературно-поэтического журнала «Холм поэтов».

Член Союза писателей России. Один из создателей «Театра поэтов». Живет в Нижнем Новгороде.

ПОЗЫВНОЙ «ЗНАХАРЬ»

Почти все герои и факты, описанные здесь, реальны. Вы можете встретить этих людей, поговорить с ними, а возможно, они рядом с вами, вы кого-то из них знаете, но не догадываетесь об их судьбе.

Для моих читателей подробности повествования будут откровением, а для кого-то – памятью о своих друзьях и спасителях. Смысл всего этого рассказа о медиках и их судьбах в том, чтобы объяснить, как реально обстоят дела на линии боевого соприкосновения (ЛБС) и в тылу, оценить грандиозность задач, стоящих перед Врачом.

Я. К.

Вступление

Валерий Иванович пошёл на СВО сам. Не потому, что не сложилось с карьерой, – он уже был полковником и заведовал кафедрой. Не потому, что были незадачи с семьёй, – у него прекрасная, любимая и любящая жена и две дочери. Не потому, что началась депрессия, – всегда с юмором, позитивный, и слова-то такого не употреблял применительно к себе никогда.

А пошёл туда «по совести»: «...Как я буду там дедам своим в глаза смотреть, что мы смогли такое допустить?»

У нас много старших офицеров, которые аккуратно перекладывают с места на место бумажки, «отрабатывают документы», следят за соблюдением полей, шрифтов и интервалов, а он – не смог. Несколько раз писал командованию рапорт, чтобы его направили в зону СВО. Не пустили: дело Валерий Иванович делал архиважное – подготавливал кадры, кадры настоящие, нужные, квалифицированные.

Как умоляли в семье остаться, не ввязываться, остепениться – разговор отдельный, долгий и тяжёлый. Но поняли, обещали молиться и ждать и – отпустили.

9 ноября 2022 года Валерий Иванович Логинов в последний раз заворил за собой двери КПП своей закрытой части: стал военным пенсионером и отправился в вольное плавание.

Нелёгкий путь на СВО

Валерий Иванович – хирург, хирург оперирующий, не чистый теоретик. Он хотел быть там, где его помощь сейчас особенно необходима, – поближе к переднему краю, к «передку».

В конце января 2024 года с друзьями из Кстова с грузом гуманитарки проехали через Воронеж и Ростов и прибыли к контрольно-пропускному пункту на границе. За окошечком пропускного контроля сидела любезная женщина. Логинов отдал свой паспорт.

– Служили? Где служили?

– Служил. В пограничных войсках, – начал врать Логинов.

– Когда служили?

– В середине двухтысячных годов.

– В какой должности?

– Командир взвода.

– Я сообщу старшему, – окошечко закрылось занавеской, и женщина надолго пропала.

– Вы куда? Документы мои отдайте!

У Валерия все вещи были в машинах. Два баула, там всё: одежда, нижнее бельё, бронезилет, магазины.

Через некоторое время к Логинову вышел офицер.

– Что скажете, капитан? – уже с тревогой спросил Валерий Иванович.

– В каком звании уволились, Валерий Иванович?

– А в чём проблема?

– Товарищ полковник, у вас запрет на выезд с территории Российской Федерации до 2027 года.

Логинов посмотрел на солдат с автоматами.

– Я еду на территорию своей страны. А если мы сейчас рванём и уедем? Что прямо стрелять будете?

– А что нам остаётся делать?

Когда друзья уезжали дальше на Донбасс, спросили:

– Ну что? Все вещи свои заберёшь?

Валерий Иванович готовился к поездке основательно.

– Нет, везите их туда. Я туда всё равно скоро попаду, – невозмутимо проговорил Логинов.

Друзья уехали, он остался один в поле, с небольшим рюкзачком, в темноте. До Ровенок было километров семь. Ночь. Снег. Холод сильный. И ни души. Кое-как добрался до Ровенок, устроился в гостиницу. Через некоторое время друзья сообщили, что через Ровенки проехать не сумеют и подхватить его они смогут только в Воронеже. Пришлось добираться туда, а затем возвращаться назад в Нижний. Потом начались долгие поиски возможности получить разрешение на свой выезд на территорию тогда уже России, в Луганск.

23 февраля 2024 года сформировалась новая колонна с гуманитарной помощью, она двинулась к Новочеркасску, и в её составе в ночь на 28 февраля Валерий Иванович пересёк границу, и 1 марта он засе-

лился к инструкторам. Вечером этого дня он сидел за столом с Доком, такой позывной был у его друга, тоже медицинского работника, который уже полгода как находился за «ленточкой». Вошёл некий человек.

– Я тебя знаю, – обратился он к Валерию Ивановичу.

– Я тоже, – откликнулся Логинов, – ты Серёга!

– Ты Валера!

Серёга был очень известной, почти эпической личностью, ставшей Героем России в 2023 году. Более надёжной рекомендации, чем их личное знакомство, быть не могло.

На следующий день Логинова пригласили в добровольческую бригаду, сделали фотографии, заключили соглашение и назначили начальником медицинской службы бригады. Определили позывной – Знахарь. Врачом в составе медицинской службы он оказался один. Остальные хоть и опытные, но фельдшера или санинструкторы.

Стоит заметить, что в добробате служили как добровольцы, так и мобилизованные. Добровольцы – все рядовые, кем бы ты ни был в предыдущей жизни. Служило там несколько генералов. Также рядовыми. Должности разные, но не справляешься – назначат на должность пониже, справляешься – повысят. Вот так-то: от каждого по способностям, каждому по труду или... «по морде».

Обустройство

Работу свою Знахарь начал с обустройства. Вся медицинская служба бригады нуждалась в чёткой организации.

Что отличает военного врача от гражданского коллеги? Что тяжёлых травм, что ли, нет в глубоком тылу? Есть! А вот массовых поступлений нет.

Военный врач отличается от гражданского медика умением наладить медицинскую сортировку раненых и пострадавших – организовать распределение на группы по очередности оказания однородных лечебно-эвакуационных и профилактических мероприятий в соответствии с медицинскими показаниями, возможностями и объемом оказываемой медицинской помощи, принятым порядком эвакуации. И это не игра в шахматы, это насущная необходимость.

Это очень сложная задача: выявить тех, кто после оказания помощи может либо в течение некоторого времени, либо сразу же вернуться на поле сражения, но главное – оказать помощь в оптимальные сроки как можно большему числу раненых, даже (при необходимости) ценой ограничения помощи раненым с крайне тяжелыми повреждениями. Такую сортировку всегда проводил наиболее квалифицированный хирург, имеющий опыт в вопросах военно-полевой хирургии и санитарной тактики. Принципы такой медицинской сортировки, применяющиеся до сих пор, заложил русский хирург Николай Иванович Пирогов еще во время Крымской войны 1853–1856 гг.

В гражданском здравоохранении главная задача медицинской сортировки – успеть охватить оказанием помощи как можно больше пострадавших и оптимально распределить по лечебным отделениям. Поэтому в случае военной ситуации гражданский врач с выпученными от сострадания и ужаса глазами будет метаться между поступающими стонущими, кричащими от боли, а то и агонирующими бойцами, напроць забывая один незыблемый принцип. Прежде всего надо обращать внимание не на того, кто кричит, а на того, кто молчит. У кричащего ещё есть силы, а у умолкшего без сил раненого время

пробытия на этом свете может уже кончаться. Но это мы разберём чуть позже.

Военный врач чётко поделит всех поступающих в медицинское подразделение на легкораненых, среднетяжёлых и тяжелораненых пациентов. Военных врачей учат правильно выделять сортировочные группы. Именно у этих врачей есть необходимые глубокие знания боевой хирургической патологии, особенностей функционирования системы лечебно-эвакуационного обеспечения, оценки реальной ситуации и возможностей тактической и медицинской эвакуации.

В годы Великой Отечественной войны была «этапная система» оказания помощи: на поле боя само- и взаимопомощь либо санитаром; далее – эвакуация в медицинские пункты, располагающиеся вблизи линии фронта и укомплектованные врачами; затем – медико-санитарный батальон дивизии, где раненому могли оказать хирургическую помощь и проводить лечение в течение 72 часов. Дальнейший этап – мобильный армейский хирургический госпиталь, где оказывали квалифицированную хирургическую помощь и осуществляли эвакуационно-транспортную сортировку для «эвакуации по назначению» в военные госпитали тыла вне зоны боевых действий, где оказывалась специализированная помощь, дальнейшее лечение и реабилитация. Правильная медицинская сортировка и система «этапного лечения» в Великую Отечественную войну позволила советской медицине вернуть в строй 72,3% раненых и 90% больных – так была выиграна война. И тут гуманистические принципы нашей медицины точно совпали с интересами государства.

Фашисты в период Великой Отечественной в первую очередь оказывали помощь легко раненым. Это делалось для того, чтобы вернуть их как можно скорее на фронт. Всё для Германии! А за это время среднетяжёлые больные тяжелели и превращались в невосполнимые потери.

Менялись войны и принципы их ведения – совершенствовались системы лечебно-эвакуационных мероприятий, но основные принципы их остались неизменными.

В условиях современных военных конфликтов медицинская сортировка полностью сохраняет и даже увеличивает свое значение в деятельности военно-полевых хирургов, хотя её реализация значительно изменилась по сравнению с первоначальными возможностями: она начинается уже в предбоевых порядках, где оказывается доврачебная помощь, где должны быстро распознаваться нуждающиеся в неотложной хирургической помощи, которым проводится предэвакуационная подготовка и организуется их приоритетная эвакуация. Но и для этого нужны помещения, площади. И если в предыдущих военных конфликтах можно было развернуть медицинский пункт, например, на полянке у реки, то в настоящую современную бойню место это тут же будет обнаружено дронами и с особым садизмом уничтожено. Украинские фашисты с потрясающей воображением звериной жестокостью бьют именно по слабым и немощным, пытаются стариков, женщин и детей, не щадят раненых. Значит, медслужба должна быть размещена в подвалах, пещерах, шахтах.

Знахарю был выделен подвал административного здания. Огляделся. Вокруг всё перевернуто, мебель смешана с обломками кирпича. И, главное, в подвале – ледяной холод, нет воды. В маленьком закутке подвала Логинов бросил на пол матрасы, на них пенку с блестящей отражающей плёнкой, на неё ещё матрасы, повесил на стены для тепла ковры из соседних развалин (уж очень в советское время любили ков-

ры, это было приметой благосостояния, а люди на Украине жили советские), поставил рядом автомат с привезённым увеличенным магазином – вот и готов «начальственный» бивак.

А дальше время распределил так: три дня на самом передке, чтобы видеть подъездные пути ко всем медпунктам, сами медпункты, их оборудование и заодно самому эвакуировать раненых. А как же, лишних людей нет. Он исходил из общего правила – уважение заслуживается только личным примером. Начальника, управляющего издалека, из глубокого тыла, опасаться будут, а любить – никогда. А другие три-четыре дня Валерий Иванович отвёл на организационные мероприятия по ремонту и оборудованию помещений и налаживанию снабжения медслужбы. Незаменимой помощницей во всех организационно-лечебных делах для Знахаря стала медсестра с позывным Заноза, имеющая боевой опыт с 2014 года. Но о ней разговор будет отдельный.

Документация велась на каждого больного и раненого, но это была не та удушающая, дублирующая все действия по десять раз, высасывающая всю кровь, созданная министерскими дебилами документация, от которой погибают практически все лечебные организации. Достаточно было заполнить «форму 100», древнюю, но очень удобную – основной медицинский и юридический документ военного времени. Кроме того, на каждого заводилась медицинская карточка из половинки тетрадки и в неё вписывались данные, манипуляции и инъекции.

Линия боевого соприкосновения

Расскажу об одном случае. Боец в 15.00 получил ранение левой нижней конечности, стопы. Днём выезд к раненому и его дальнейшая эвакуация были совершенно невозможными: дроны противника рыскали, как акулы. Ночью тоже вывезти не смогли.

Связались по рации:

– Что, жжёт рану?

– Нет, дёргает, болит, отёк дошёл до колена.

Что это? Газовая гангрена? Начало гнойно-резорбтивной лихорадки? Начало сепсиса?

Знахарь вызвал опытного водителя с позывным Мельник: не раз тот уходил от дронов. Забрали раненого к себе.

Только по приезде прошло несколько минут, как звонит по рации «зам по бою»:

– Кто разрешил? День! Ты подверг жизни людей опасности! Кто выезжал на вызов?

– Я сам, – ответил Знахарь.

Молчание.

– Ты должен руководить, а не ездить! – нашёлся «зам по бою» через некоторое время.

Пока дроны противника рыскали в небе над населённым пунктом, не выпуская из него никого, в условиях медслужбы бойцу ввели цефтриаксон и каждые полчаса промывали рану перекисью водорода. Несмотря на то что до отправки раненого в медсанбат прошло 32 часа, ногу бойцу спасли.

Но далеко не всегда риск оканчивается удачей. Такой трагический случай произошёл с одним из подчинённых Знахаря.

Называть бойцов в нашей повести мы будем по позывным. Санинструктору с позывным Аргус был двадцать один год. С ним служили его

брат Ливси и отец – Фриц. Аргус был очень храбр и сострадателен. Служебная необходимость оказания помощи тяжелораненому заставила его 14 мая 2024 года перебежать открытое место. Беспилотники выследили его. Его просто методично разорвали на части. Видео украинцы выложили в интернет, так что мы знаем подробности его ужасной смерти в мельчайших деталях. Первый кадр показывает, как Аргус бежит по полю. Его догоняет дрон. Первый сброс – кровавый взрыв: из головы алым облаком вылетают брызги, мелкие, как пар, брызги крови. Камера придвигается – у укропов прекрасная европейская видеоаппаратура: придвигается не сам дрон, а укрупняется изображение. Укропы смакуют кадры. Аргус падает, под головой растекается лужа, видно его агональное дыхание. Снова переход на общий план. Второй сброс – Аргусу разрывает ноги. Вновь крупный план. Третий сброс – остаётся кровавое месиво. Снова крупный план.

Невозможно предать эти жуткие истории забвению. Об этом должны знать. Знать все школьники, которые учатся в нашей стране, на своей Родине, в России. Знать для того, чтобы они не воспринимали историю как то, что ушло и не вернётся, что уже не стоит принимать в расчёт. Нет! Всё повторяется. И это – не компьютерные игры, это живые ребята, практически их ровесники.

Да будут навечно прокляты те, кто в своём лживом, сладеньком чванстве говорят: «Ну что вы! В наш просвещённый век повторение такого варварства невозможно! Будьте современными людьми! Нам надо боготворить европейские страны, тянуться к ним, подражать, преклоняться. Вот где истинная культура! Нам просто необходимо покаяться в своих грехах и пойти к ним на поклон!» Да будут прокляты эти тупые и злобные лицемеры! Это самые злые враги России, её народа, её истинной, самой высокой в мире одухотворённой культуры!

Школьники должны знать примеры героизма, храбрости, самопожертвования, подвига, которые были совершены ради них. Ради того, чтобы они учились, играли, просто жили. Придёт их срок, и они должны будут бороться, сражаться, жертвовать собой. Ради чего они будут это делать?

Об этих примерах мужества должны знать домохозяйки на своих кухнях – матери этих детей. Фермеры, рабочие, менеджеры – отцы этих детей должны знать, для чего они так тяжело работают. Должны знать предприниматели, копящие добро. Это добро защищают не они. Его защищали и защищают на СВО такие Аргусы. Тех воров, которые сбежали с награбленным в заграничье, уже обокрали просвещённые европейцы, а многих – убили, как собак.

Процветать и богатеть можно только в своей стране, а значит, ей нужно помогать!

Медицинская служба Знахаря обрастала площадями и имуществом, тем, что находили в развалинах. Подвалы начинали ремонтировать. Самым сложным было просушить помещения и, насколько возможно, побороть промозглый холод, застрявший в них. Для этого использовали тепловые пушки, буржуйки. Добывали куски линолеума из разрушенных домов, стены завесили маскировочными сетями, полученными по гуманитарной помощи, для тепла, интерьера и условного зонирования: перевязочная-процедурная, складские помещения, палаты. Поставили двухъярусные койки. Оборудовали санитарно-обмывочный пункт. Что-то вроде бани. Помещение для персонала. Всё делали сами.

О прошлом

Медицинская служба оживала.

Знахарь вышел подышать свежим воздухом. Трава замаскировала раны, нанесённые земле людьми. Во дворе валялся на солнышке, подставляя ему пузо, крупный приبلудный пёс. Картина была такой мирной. Но выйти из полуразрушенного подъезда означало нарисоваться перед дронами. Их в воздухе тысячи. Без дела демаскировать вход было нельзя.

И всё же какая идиллия! Валерий Иванович невольно стал вспоминать свою жизнь. Всё, казалось бы, готовило его к этому дню, к этому делу, а может быть, и к месту. Он работал на интересной кафедре, защитил диссертацию. Занимался кроме военно-полевой хирургии как раз организацией здравоохранения, вопросами тактической медицины. В те времена кафедрой заведовал военный хирург, профессор Валентин Николаевич Анисимов, человек бескомпромиссный, сильный — и весёлый. Научная деятельность кипела. Защищалось во всех направлениях медицины множество кандидатских и докторских. Под его руководством выросла целая школа учёных. Праздновали все вместе, широко и громко. Работали на износ.

Я, автор этих строк, знал Валентина Николаевича — хирурга и профессора. Ему посвящено одно из моих стихотворений.

Слова с полузабытым смыслом
Слетают с уст, тревожа душу,
Над ними тишина нависла,
Стремясь последнее разрушить.

Учитель — будничное слово,
Но, если заглянуть в начало, —
Как много главного, святого
Оно когда-то означало.

И — Мудреца, и — Властелина,
Творца, каких на свете мало,
Что лепит, как из пластилина,
И мастерство, и идеалы.

Он и Отец, и Друг на равных,
Он учит строгостью и шуткой,
И думать хочется о главном,
И позабыть о предрассудках.

Философ, Ритор и Мыслитель,
В руках и скальпель, и реторта.
И счастье, если ваш Учитель
Был из людей такого сорта!

Но постепенно ушли подобные люди. Постепенно отношения становились всё формальнее, подняла голову текучка и «отработка документов». Росли подразделения проверяльщиц. На науку оставалось всё меньше времени. Зато у Валерия Ивановича появились ученики во всей медслужбе необъятной страны. Он часто выезжал в командировки. Делился знаниями в горячих точках, там и получил позывной Знахарь.

Началась специальная военная операция. И Логинов просто не мог себе представить, что он ответит внукам, когда они спросят: «Где ты был?»

Друзья и враги

А какие ребята окружали его на этой необъявленной войне, на этой специальной военной операции, где он был добровольцем! Они большей частью были подчинёнными, но они были и остались настоящими друзьями. Проверенными. Таких в гражданском зыбком существовании обрести нельзя.

Андрюшка (Клык) – мобилизованный. Был штурмовиком. Он прибыл из Самары – мирный город, мирная профессия. На гражданке получил образование конструктора по авиационным двигателям. Занимался контролем работы электростанций. Сам не рвался в герои, но мобилизовали, оказался в боевых условиях, и героем – стал. Получил осколок в сердце. Осколок так и остался в сердечной мышце. Его должны были уволить, но он сам вернулся в добровольческую бригаду СВО. И не мог уже бросить своих ребят. Это показывает ещё, что силы России неистощимы. Многие даже не знают, на какие подвиги они способны, если нужно будет защищать Родину. А придёт их черёд, и чести русского флага не посрамят.

Однажды с Клыком произошёл вот какой примечательный случай. Укропы обстреляли подразделение и пошли в атаку. Получилось так, что Клык остался раненый в окопе один. Вокруг были враги. Он приготовил две гранаты и стал ждать. Так бы и подорвал вместе с собой несколько фашистов, но к нему пробились наши и спасли.

Логинов щадил храброго солдата и не особо отпускал на боевые действия, работы и без того хватало. Кроме того, при сверхнагрузках неизвестно было, как поведёт себя его сердце, всё-таки инородное тело, возможны нарушения ритма. Клык надёжно исполнял любые задания.

Двадцатилетний парень с позывным Оратор как-то сам подошёл к Логинову:

– Товарищ Знахарь, я к вам!

Разговорились. Оказалось, парнишка, не имея медицинского образования, сам готовился к оказанию медицинской помощи по материалам отечественной школы тактической медицины. Обговорили тонкости. Мнения совпали, и Знахарь молодого человека забрал к себе.

Рядовой Оратор должен был оказывать медицинскую помощь в лесополках или полках, как их называли, – длинных, узких, искусственных рощах между огромными полями. Эти лесополосы когда-то насадили в степи для исключения эрозии почвы. Такое распоряжение сделал ещё Иосиф Виссарионович Сталин, за что местные жители были ему очень благодарны. Именно они теперь стали единственными естественными укрытиями, в которых возможно строительство укреплений, окопов и блиндажей. В блиндажах оборудовали пункты «стабилизации» для медицинской подготовки раненых к дальнейшей эвакуации.

Налёт укропов был 15 апреля. Они пошли в накат на наши позиции, с силой, напористо: накрыли окопы кассетными боеприпасами. После их обстреляли «польками» – польскими миномётами. Они стреляют бесшумно; подготовиться к удару нельзя – чрезвычайно коварное оружие. Оратор, получив два ранения в грудь, оказал помощь ещё четвер-

рым. Позже был представлен к медали «За отвагу». В июле снова получил ранение. Его представили к ордену Мужества.

Знахарь запомнил Оратора как «мальчонку с глазами старика».

Боец с позывным Мамон – уникальный водитель, не раз уворачивавшийся от дронов и спасавший раненых.

Современная война, это бой между людьми и машинами. Европа и Америка шлёт дроны роями.

Мамон рассказал Знахарю один случай, когда нескольким раненым бойцам пришлось 5 суток лежать недвижно на дне окопов, потому что фашисты были рядом, и всё вокруг кишело дронами – от большой «Бабы-яги» до дронов-камикадзе и мелких FPV-дронов, наблюдателей. В промозглом холоде, без еды, с минимумом воды, имея возможность только иногда отползти недалеко по нужде, они прятались от неба. Они дождались своих, но представляете, в каком состоянии их подобрали?

Знахарь прекрасно представлял, как сложно раненому спрятаться от беспилотника с камерами, изображение с которых при помощи беспроводной связи передаётся на очки виртуальной реальности или специальные видео-очки оператора, ведущего охоту за объектом наблюдения. Такие дроны называются FPV-дроны – First Person View: «вид от первого лица».

Рядовой Роса – девчонка-фельдшер из штурмового отряда. На гражданке она работала на скорой помощи в Санкт-Петербурге. Пришла на СВО добровольцем. Очень грамотная, позитивная, отчаянная, умница и красавица. В общем, ангел в камуфляже, которая боролась за жизнь ребят, невзирая на опасность.

Санинструктор с позывным Боткин. Встреча с ним просто поразила Знахаря. Не имея медицинского образования, боец показал в разговоре тонкие знания патогенеза заболеваний, разобрался в лекарственных средствах, вплоть до времени их полувыведения из организма человека.

Когда были короткие перерывы в нелёгкой работе, Знахарь любил пообщаться с Боткиным на медицинские темы. Это напоминало ему о его прежней профессии преподавателя.

– А как вы думаете, Боткин, почему минно-взрывные поражения – это ранения? – решил задать каверзный вопрос всезнающему бойцу Знахарь.

После небольшой паузы, как будто читая раскрытый перед ним учебник, словно ученик-отличник на экзамене, Боткин начинал свой ответ:

– Минно-взрывное ранение – это результат одномоментного воздействия на организм неоднородных по характеристике поражающих факторов взрывного устройства (ударная волна, газопламенная струя, осколки мины и так далее) с вовлечением в патологический процесс органов и систем в различных сочетаниях. Данная травма кардинально отличается от травм вследствие транспортных, производственных или бытовых повреждений и относится к категории огнестрельных ранений. Травма выделяется своей тяжестью, специфичностью повреждений и неблагоприятным течением.

Боткин перевел дыхание и продолжил:

– Существует даже классификация топографо-анатомических уровней минно-взрывной деструкции тканей по Нечаеву. Он выделяет несколько уровней такого поражения:

уровень взрывного распыления костей и полного анатомического дефекта, нередко – с частичным сохранением костей разрушенной зоны в виде фрагментов, фиксированных на концах отсепарированных сухожилий, фасций и апоневрозов;

уровень взрывного раздробления костей с большей или меньшей фрагментацией и тотальным скелетированием осколков и отломков;

уровень ударно-волнового ушиба кости с образованием трещин, редко – крупных осколков, с очаговым или сегментарным их скелетированием;

уровень ударно-волнового сотрясения кости и отдаленных переломов, топологически не связанных с очагом основных разрушений.

– А проще можешь пояснить, что это значит? – хитро улыбнулся Знахарь.

– Ну, я бы сказал, что это когда руку или ногу распылило вообще, уровень фарша с мелкими обломками костей, уровень на котором я видел махры кожи, мышц и оголённых крупно разломанных костей, – ответил Боткин, а в его глазах отразились боль и сострадание.

– Верно. Вот и представь, в каком хаосе должен разобраться хирург, чтобы грамотно удалить то, что вскоре некротизируется (сгниёт), и сохранить то, что можно сохранить, – подытожил Знахарь. – А как ты думаешь, какие ещё факторы утяжеляют этот тип травм?

И опять, как по написанному тексту, начал говорить санинструктор:

– Я, Валерий Иванович, читал, а многое уже видел своими глазами, что бывает при минно-взрывной травме. Я видел, как повреждаются уши, когда есть разрыв барабанных перепонок, снижается слух и возникают вестибулярные расстройства.

Воздушно-ударная волна при таких ранениях может вызывать повреждения внутренних органов: ушиб сердца и лёгких из-за ударного сдавливания между позвоночным столбом, движущейся внутрь грудной стенкой и поднимающейся вверх диафрагмой за счет сдавливаемых через брюшную стенку органов брюшной полости. Да и само повреждение органов, и вызванное им внутреннее кровотечение или перфорация участков желудочно-кишечного тракта. Понятно, что без своевременной медицинской помощи тут не выжить.

А еще есть вторичные эффекты воздействия воздушно-ударной волны: осколки, части взрывного устройства, специальные поражающие средства и вторичные ранящие снаряды, например, камни. Они тоже могут привести к повреждениям полостей, кровеносных сосудов и жизненно важных органов.

Не следует также забывать о метательном эффекте воздушно-ударной волны. Это когда под действием избыточного давления и ветрового потока тело человека может быть отброшено на несколько метров. Травмы возникают либо на стадии ускорения, либо приземления. Эффект метательного действия зависит не только от мощности заряда, но и от площади тела человека. Это еще называют третичным эффектом.

– Вы, Боткин, отвечаете лучше, чем многие мои слушатели, – с уважением заметил Знахарь. – Но и каковы особенности огнестрельных ранений?

– Все огнестрельные раны первично инфицированы, это означает, что уже на входе пули в тело она увлекает с собой фрагменты одежды, грязь, кусочки кожи и ещё бог знает чего. Всё это попадает внутрь организма, в кровь и лимфу, и бактерии начинают размножаться в идеальных для них условиях. Предотвратить развитие и генерализацию инфекции чрезвычайно сложно, – сокрушенно, со знанием дела отвечал Боткин. – Я полагаю, что всё это в ещё большей степени относится к минно-взрывной ране. Таким образом, минно-взрывная травма в какой-то степени становится ещё и «биологическим оружием». А если

представить, что при большом скоплении раненых, особенно в отделениях гнойной хирургии, тела больных могут стать инкубаторами для появления и размножения новых бактерий, которые часто нечувствительны к антибиотикам многих групп, то получается, что война рождает новое биологическое оружие.

– Как же лечить таких пациентов, с которыми усилиями высококолобых европейских учёных произошёл такой анатомический кошмар? – продолжал спрашивать всезнающего санинструктора Знахарь.

– Примерно одна треть смертей случается в течение нескольких часов, обычно в результате кровотечения, гипоксии или прогрессирующего повреждения головного мозга. Поздние смертельные случаи (в течение дней и недель после травмы) обычно наступают вследствие нарастающей множественной органной дисфункции или присоединения инфекции. Отсюда в рамках первого периода (острый период «травматической болезни») производится диагностика и оказывается экстренная помощь; он обычно завершается в течение первых 12–24 часов. Во втором периоде (относительной стабилизации жизненно важных функций) выполняются первичная обработка ран и экстренные хирургические вмешательства со стабилизацией переломов. Этот период часто совпадает с первым, но обычно завершается в течение 48–72 часов. В третий период (период максимального риска развития осложнений) завершают оперативное лечение пациентов с травмами. Продолжительность этого периода сильно зависит от характера повреждений и развивающихся осложнений, но обычно он завершается к десятым суткам. Четвертый период (период полной стабилизации функций) предусматривает процесс (иногда длительный) реконструктивного лечения, реабилитации и возвращения в общество.

– Bravo! Вам непременно нужно учиться дальше. Из вас, Боткин, получится прекрасный врач! – с удовлетворением, которое испытывает каждый учитель при прекрасном ответе своего ученика, сказал Знахарь.

По направлению Логинова санинструктор Боткин пошёл учиться сначала на фельдшера, а потом на врача.

Бомба – добродушный увалень. Его никак не хотели представлять к награде. Он был хозяйственником, каптёрщиком. Но когда поступило сразу 200 трупов в чёрных целлофановых мешках, именно он раскрывал мешки и искал в разлагающихся телах документы погибших. Представляете, что творилось в этих мешках? Какой там был запах? Что осталось от людей после взрывов? Какой фарш и набор конечностей и органов там лежал? Что там начинало копошиться? От этого запросто можно было сойти с ума. А Бомба, понимая, насколько важно знать сведения об убитом, не закончил этот осмотр и поиск документов, пока не просмотрел все до последнего мешка. И это тогда, когда вокруг полным-полно дронов.

Заноза – ей можно посвятить отдельную песню. Удивительно неприятная для начальства фигура. Ну, казалось бы, промолчи! Нет! Она обязательно скажет неприглядную правду! Начальничков просто выбешивала. Влезет в любую тонкость. Разоблачит любое жульничество и все об этом не скажет – *прокричит!*

– А что ты со Знахарем не ссоришься? – спрашивали её.

– Потому что он умный! – очень обидно отвечала интересующимся Заноза.

У Знахаря и Занозы было одно общее понимание дела: что бы ни было, что бы ни произошло, в каком бы положении они ни оказались,

раненым должна быть оказана идеальная медицинская помощь. Со Знахарем они уговорились сразу, взяли за правило: гуманитарка, которая поступает в бригаду, в тыл не уходит, она там растворяется.

Добробат живёт только на пожертвования, на гуманитарку. От обмундирования и обуви, касок и бронежилетов до лекарственных средств и медицинского оборудования и инструментов. Не раз противогазы и средства индивидуальной химической защиты присылали по гуманитарке.

Автомобили в боевых условиях живут 2-3 недели, хотя их сейчас и стали обшивать толстой резиной и ставить «мангалы» – противодроновые железные сетки. Лишних автомобилей здесь нет.

Одна пожилая женщина, пережившая блокаду Ленинграда, подарила добробату автомобиль УАЗ-452 для эвакуации раненых. Другие автомобили просто не справляются. Некоторые – малопроходимы, некоторые – ненадёжны, некоторые слишком велики и представляют слишком явную габаритную мишень для БПЛА. Блокадница истратила все свои накопления за жизнь, но своим подарком спасла немало жизней.

Государство даёт только то, что нельзя купить – оружие и боеприпасы. Да и то объемистый магазин для «калаша» Знахарь привёз с собой.

Правда, гуманитарка тоже бывает разной...

Как-то Логинову прислали партию просроченных антибактериальных средств и витаминов.

– А что! – сказали. – Тут же всё равно уйдёт со свистом!

Знахаря аж переклинило:

– Это я моим ребятам буду колоть такую дрянь! Кто мне скажет, как ещё вся эта отрава хранилась! В каком сарае! В каком дерьме!

Он выгнал «предпринимателя» и больше не имел с ним дела.

Однажды по гуманитарке прислали белую короткую юбку и прозрачную кружевную чёрную кофточку, а ля «услуги на трассе». Заноза очень громко смеялась и исходила «непередаваемой игрой слов».

Заноза пришла на СВО в 2022 году, имеет две медали «За отвагу». Мать-одиночка. Пошла, чтобы обеспечить дочку. В отпуске навещает её. Но сердцем прикипела к раненым. Живёт ради них. Дышит ими. Заботится о них, как мать. Начальство её ненавидит. Но никто лучше не работает с кадрами: везде, где нужно, у неё есть «свои» люди, чтобы позаботиться о раненом, направить его по правильному пути эвакуации, максимально оказать необходимую помощь.

Только раз между Занозой и Знахарем вышла ссора, даже не ссора, а жаркий спор. Но Знахарь понял свою ошибку и извинился. Он не стеснялся извиняться, если был неправ. Главное – дело. Правым всегда быть нельзя.

А как Заноза владела русским языком! Однажды Знахарь услышал её разговор с начальством по рации:

– Ничего я вам пересылать не буду! Здесь эти медикаменты нужнее! Ишь ты, хозяин нашёлся! Родили посмеяться, а он выжил!

И уже к подчинённому:

– А ты что сразу дёргаешься? Не спеши, слепая, в баню, а то задницу обожжёшь.

Вот такой контингент подчинённых был у Знахаря. Это были его друзья. Это друзья навсегда.

А как они справляли день рождения Знахаря! С какими шутками и прибаутками. Абсолютно без выпивки, но весело. Весело оттого, что живы и не изувечены. Это очень сильный повод для веселья и воспо-

минаний. И это веселье было искренним как никогда. Угощение самое простое. В качестве праздничного действия его заставили задуть толстую окопную свечу.

Мы росли во дворе,
Мы играли в войну.
Я в дворовой игре
Понял правду одну:
Если песни поём,
Если думаем в лад
И смеёмся вдвоём,
Значит, он мне как брат!

В трудном мире у нас
Для всего есть цена,
И спасает сейчас
Только дружба одна!

И не наша вина,
Изменилась страна.
Незаметно для нас
Наступила война!
Он шагнул под фугас,
Он поймал мой свинец.
Если он меня спас,
Значит, мне как отец!

Через горы его
Я тащил на спине.
Ничего! Ничего!
Жизнь трудна на войне!
Беспилотников пляс,
Рокот вражьих машин.
Если я его спас,
Значит, он мне как сын!

В трудном мире у нас
Для всего есть цена,
И спасает сейчас
Только дружба одна!
Если сердце как клад
Среди тысяч сердец,
Он и друг мне, и брат,
Он мой сын и отец!

Но не нужно недооценивать и врагов. Не нужно, вредно и подло принижать боеспособность нашего противника.

Логинов помнил пример, как окружённым, находящимся в безвыходном положении украинцам предложили сдаться. На это они ответили: «Русские не сдаются!». И они погибли в бою все. Около пятнадцати человек. Что творится в голове у этих людей?

В одном освобождённом укрепрайоне боевое российское подразделение наткнулось на блиндаж. Командир – опытный человек, он не решил своим минёрам заходить в дверь – они проникли внутрь, расширив амбразуру. Дверь действительно была заминирована, но это не всё.

Мины были связаны со всем укрепрайоном и с жилищами немногих оставшихся в своих разрушенных домах жителей. Один неверный шаг и взлетело бы на воздух всё сразу.

Противник минирует всё – от коробки конфет, плюшевых мишек, кукол до школьных качелей. Минируют мертвецов.

Ордена и медали

Вообще, до прихода Знахаря документы на награждения принимали от медслужбы очень неохотно. Короче, почти совсем не принимали.

– Вы же медики! Вы же не воюете!

Знахарь эту «традицию» переломил.

Штурмы идут в атаку с полной выкладкой с автоматом, боекомплект. Тяжело.

А фельдшер или санинструктор тоже идёт с автоматом, но у него ещё полная тяжелая медицинская выкладка: лекарства, бинты, шины. Очень нелёгкий и габаритный груз. А возвращается, вытягивая на себе раненого. При этом мины, бомбы, беспилотники – всё поровну.

Вообще в бригаде должно было наличествовать 30–50 фельдшеров и санинструкторов. Но реальное их количество постоянно менялось.

С проведения боевых операций часто не возвращались по десять человек. Так что количество фельдшеров и санинструкторов, бывало, сокращалось до восемнадцати. Так что Знахарь представил к награде многих и добился их награждения. Однако в заслуженной награде Бомбы Знахарю отказали. Кстати, с ним самим поступили тоже не очень «корректно»: сказали, что представят к ордену Мужества, однако представление не ушло выше бригады. Сначала сказали – забыли. Потом – времени после ранения прошло много, и возможности для представления уже нет. Однако за это время два начальника, которые дислоцировались в глубоком тылу и никогда не были зафиксированы в журнале военных действий, получили по ордену Мужества. В любом деле есть свои скрытые тонкости, в наградном – тоже...

Мы не будем упоминать о том, с какими сложностями сталкивается демобилизованный при оформлении документов на льготы, деньги, признание его заслуг. О том, как военнослужащих поджидают «невесты», жаждущие полученные деньги разделить, мошенники, вовлекающие их в заранее обречённые предприятия. Но всё-таки главное – это бумажная, вполне законная унижительная возня, в которой каждый маленький начальник, секретарша, чувствуют себя вершителями судеб...

Спасти жизнь

Ещё один случай нельзя обойти вниманием. Врачи не всесильны.

Боец получил ранение в области средней трети бедра, у него было массивное кровотечение. Осыпало, как это часто бывает, осколками всего, но наиболее тяжелым было ранение именно в правое бедро. Санинструктор, позывной Ангара, затампонировал рану (остановил кровотечение), наладил инфузионную терапию (восполнил, насколько возможно, кровопотерю), тащил раненого два с половиной километра от пункта стабилизации до машины, которая смогла его эвакуировать в госпиталь. Там жгут был снят. Нога холодная. Пульсации нет. Боец в бодром состоянии.

К сожалению, в госпитале пришлось ампутировать ногу в верхней трети бедра. Но главное, что раненому удалось спасти жизнь!

Начальство начало разбирательства, почему ампутация: передержали жгут, а нужно ли было его вообще накладывать?

После этого санинструктора стали бояться накладывать жгут.

Пришлось Знахарю разъяснять и начальству, и санинструкторам правильность и правомочность действий своего подчинённого.

У раненого был следующий диагноз: «Множественные слепые и касательные ранения верхних и нижних конечностей. Слепое осколочное ранение правого бедра с повреждением сосудисто-нервного пучка (разрыв правой бедренной артерии, правой бедренной вены, бедренного нерва) справа. Травматический шок I степени». Это означало, что кровоснабжения ноги совершенно не было и шансы на восстановление двигательной функции нулевые. Боец мог просто погибнуть от кровопотери. Ему спасли жизнь.

Валерию Ивановичу удалось убедить и начальство, и подчинённых в очевидном правильном хирургическом решении. Инцидент был исчерпан.

Богдановка

В какой-то момент началась подготовка к взятию Богдановки.

Необходимо было наладить медицинское обеспечение наступления наших сил. Подготовить пункты стабилизации. Подобрать места, откуда можно было вывозить раненых. Определить пути эвакуации. Распределить людей. Назначить время дежурств.

Напротив стояли поляки. Их всегда сопровождало необыкновенно плотное облако дронов, подарков от НАТО. Европа всегда питала нежную природную ненависть к России. Тоска по своей земле называется ностальгией, а как называется тоска по чужой земле?

Чуть южнее Часова Яра расположено возвышенное плато, лесной массив. Постепенно противник накопил там, начав с 200 человек, до 4000 бойцов.

Знахарь должен был своими глазами увидеть местность, всё себе прекрасно представлять, рассчитать время, которое может уходить на эвакуацию раненых.

Он ездил и ездил на ЛБС (линию боевого соприкосновения). Его не раз обстреливали, за ним охотились небесные ядовитые тараканы – FPV-дроны.

Там, 29 марта, на следующий день после дня рождения, Знахарь получил первую контузию.

Перед нами не стоит задача обсуждать тактические и стратегические особенности проведения этой операции. Наши Богдановку взяли.

Дьявол кроется в деталях

Величайшая подлость современной войны в том, что предпочтительно бойца не убить, а именно искалечить. Всё это для того, чтобы он стал обузой сначала для своего подразделения, а затем и для государства в целом. Ведь война, особенно теперь, сражение коммерческое. Это война нескольких десятков государств на истощение, на финансовую гибель. Сначала бойца на поле боя нужно нести, оказывать ему первую

помощь, эвакуировать. Потом долго лечить, реабилитировать, трудоустроить или содержать всю оставшуюся жизнь.

Кстати, вы знаете, что свои условия нам диктуют даже протезы для раненых с ампутациями рук или ног? Дело в том, что бионические протезы выпускают уже рассчитанными на определённый уровень ампутации. Их устанавливают не сразу – оставшуюся конечность надо подравнять под протез.

А каково самому раненому чувствовать сначала дикую боль, а потом всю жизнь ощущать себя обузой? Этим вопросом никто не задаётся. Он повисает в воздухе. Только самые сильные духом тяжелораненые могут справиться с такой неподъёмной ношей.

В современной войне врага нужно не убить, а тяжело ранить и ждать, когда за ним придут товарищи, чтобы уничтожить и их. Сродни этому и подрыв на минном поле, где в смертельную ловушку попадает сначала один, а затем и другие.

Опишу некоторые особенности действия оружия, от которого и происходят все эти ранения, сотрясения, шок и повреждение конечностей и внутренних органов.

Я более тридцати лет занимался военно-полевой терапией, доктор медицинских наук, так что эта тема мне близка. Кстати, токсикология такая же часть военно-полевой терапии, как и радиология.

Несмотря на то, что противопехотные мины запрещены многими международными документами, например Конвенцией о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении (Оттавская конвенция), именно они основной поражающий фактор в этом военном конфликте.

Изобретено множество мин. Одни реагируют на давление, другие – на сотрясение, третьи – на изменение положения в пространстве, четвёртые – на металл, пятые – на приближение, шестые взрываются согласно заданному им расписанию и, так сказать, самоликвидируются, седьмые – на звук, восьмые вообще неизвлекаемы – их можно ликвидировать, только подорвав.

Я не хотел бы повторять и цитировать учебники по инженерно-саперному делу. Но не могу не заметить, что какие только романтические цветочные названия не носят смертельные снаряды «колокольчики», «лепестки» – эта концентрация боли и горя, страданий!

Миллионами «колокольчиков» усеяны поля не только вблизи линии соприкосновения, но и на освобожденных территориях. Эти мины получили свое название из-за характерного внешнего вида: металлический цилиндр с матерчатой лентой, напоминающий колокольчик или цоколь от лампочки, к ней прицеплена лента. Чуть заденешь его или ленту – произойдёт взрыв, который может поразить на дистанции до 12 метров от эпицентра взрыва. Американцы хорошо постарались над его конструкцией. Мина «колокольчик» весит в зависимости от модели 208–213 грамм, относится к наиболее опасным кассетным противопехотным минам натовского производства (3-й уровень опасности). Одна кассета может содержать до 72 таких мин. Эти мины неизвлекаемы. У них нет механизма самоликвидации. Каждый «колокольчик» встаёт на боевой взвод за счёт раскрутки ленты из нейлона в процессе полёта. При ударе конусом нижней части вниз инициируется детонатор, и он взрывается. Падает боком – остаётся лежать на десятилетия. Эти смертоносные устройства распространяются с помощью кассетных боеприпасов или дронов, превращая территорию в сплошное минное поле.

Противопехотная мина «Лепесток» – апофеоз европейской фашистской подлости, хотя и встречается сейчас реже, но его коварство выражено не менее ярко. Начать хотя бы с того, что дети принимают его за игрушку. Если человек наступит на «Лепесток», то в лучшем случае ему раздробит ступню, которую постараются собрать в госпитале, в худшем – ступню просто оторвет.

Первое, что происходит с таким раненым, это травматический шок – катастрофическое, угрожающее жизни больного состояние, причины которого складываются из нестерпимой боли, кровопотери, истощения гормонов, вырабатываемых, в частности, корой надпочечников и ещё некоторых причин.

У шока есть стадии эректильная и торпидная. И не подумайте плохого. В эректильную стадию на фоне выброса симпатoadреналовых гормонов раненый способен прыгнуть на небывалую высоту, сразиться с медведем, убежать быстро, как олень, он не чувствует боли (выделяются ещё и эндорфины, собственные гормоны, похожие на наркотики), его силы удесятятся. Но это ненадолго.

Потом начинается торпидная стадия. Гормоны выходят из депо и заканчиваются, давление падает, и без помощи врача наступает смерть.

Это всё как раз и есть одна из частей военно-полевой терапии, которой занимался ваш покорный слуга. За этим начинается хирургия. Но военно-полевая терапия продолжается, она сопровождает хирургию вплоть до окончательного выздоровления больного. Потому что больного подстерегает сначала гнойно-резорбтивная лихорадка, затем сепсис (по Ипполиту Васильевичу Давыдовскому «сепсис – это общее заболевание организма, вызванное инфекцией, потерявшей зависимость от очага»), а ещё гипостатическая пневмония, подстерегающая всех лежачих больных, и заболевания практически всех органов, вызванные как инфекцией, так и расстройствами кровообращения, местными и общими. Кроме этого могут начаться аутоиммунные заболевания, ведь в кровь всосались продукты распада собственных тканей организма, с которыми иммунной системе что-то надо делать.

Античеловеческие подходы к истреблению людей приобретают всё более явные черты бунта машин. Мы вынуждены закапываться под землю, но и там нас научатся находить созданные нами устройства.

В ход укропами пускается всё, что запрещено международным сообществом. И хохлам, а вернее, их западным хозяевам, всё равно, свои это или чужие. Над солдатами проводят эксперименты.

Но на СВО втихую укронацистами применялось и химическое оружие. Это были и соединения хлора, и фосфор. Знахарь столкнулся с тем, что со стороны противника были попытки применения и ипритоподобных соединений. Может быть, и самого иприта. Во всяком случае, у них было кожно-нарывное действие. В течение часа у поражённых было отмечено появление пузырей. Причем сам контакт с отравляющим веществом был ими не замечен: безболезненный контакт характерен для иприта, в связи с тем, что он вызывает паралич периферических нервных окончаний.

О том, с чем пришлось столкнуться на СВО Знахарю, я рассказал потому, что у нас каждый второй считает себя умнее любого врача и готов давать поверхностные советы по лечению самых экзотических заболеваний. Но я бы хотел, чтобы вы вникли хотя бы в одну тысячную доли тех сложностей, которые должен учитывать врач в лечении столь распространённых сейчас патологий. И тут лучше сказать о врачебной профессии стихами:

Я – врач, о вас я больше знаю,
Чем сами вы, – и во сто крат.
И здесь ответственность иная,
И знал об этом Гиппократ.

Я знаю все о ваших душах,
Что отражаются в телах.
И пусть свирепствуют кликуши,
Судача о моих делах.

Я вижу бисеринки пота
И крови бьющийся родник;
Я слышу – в этом и работа –
Предсмертный стон и первый крик.

Я отстраняю вас от края,
Куда вы катитесь, скользя,
И с каждым вместе умираю.
Привыкнуть к этому нельзя!

И каждый раз, как с поля боя,
Вытаскивая на себе,
Я заслоняю вас собою
И радуюсь такой судьбе.

Спасая от смертельной раны,
Что вам наносит мир-палач.
Какая тонкая мембрана –
И это – это только врач!

И ещё. После этой войны, даст бог, у нас будет возможность для того, чтобы переписать все учебники, пересмотреть все правила.

Уникальность нашей профессии состоит как раз в том, что это неразрывный сплав из биологии, математики, механики, химии, физики, психологии и глубокой веры в Божественное провидение, без которого с головы человека не упадёт ни один волос. Мы можем сделать всё правильно, а выживет ли больной, решает только Бог. Незабвенен пример профессора хирургии Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (архиепископа Луки).

Обыкновенное чудо

Спасённый раненый подарил Знахарю шеврон с образом Христа, он прикрепил его к рукаву Валеры со словами: «Мне помог и тебе поможет!»

27 апреля 2024 года проводили эвакуацию раненых с переднего края. В машине были Мамон, Балу, Роса и Знахарь.

Мамон увернулся от первого FPV-дрона и, понимая, что от второго не уйти, развернул автомобиль так, чтобы принять удар со своей стороны. Второй влетел в стойку машины за Мамоном: вспышка, и – ужасный взрыв.

Валерий очнулся. На него смотрел живой Христос! Лик немного двигался! Валерий мог смотреть только одним глазом, но Христос смотрел на него двумя. На лице Бога ясно виделось сострадание, а кро-

ме того этот облик буквально излучал уверенность и надежду! Только через несколько секунд Знахарь понял, что рукав куртки с подаренным шевроном образа Христа был оторван и висел напротив его лица, в паре десятков сантиметров. Если это не чудо, если не чудо – спасение всех членов экипажа после попадания дрона-камикадзе в салон машины, то что же вы назовёте чудом?!

У Валерия Ивановича была открытая сочетанная черепно-мозговая травма, множественные осколочные ранения волосистой части головы, лица, глазницы. Акубаротравма. Множественное осколочное поражение шеи, груди, правой верхней и обеих нижних конечностей.

Первое, что сделал Знахарь, – это левой рукой снял с искорёженного железа рукав с шевроном и убрал его в грудной карман куртки. Правая рука не поднималась совсем – работала только в области кисти.

«Выжил» и автомат. Прихватив его, Знахарь с большим трудом выполз из машины. На земле лежал Балу. Санинструктор успел прокричать по рации: «Знахарь! Мост!» Дальше шёл набор междометий, означавший – мы мертвы. И Балу потерял сознание. Вверху Знахарь заметил светлое пятно беспилотника. Передёрнув затвор левой рукой и уперев приклад в плечо, выпустил по нему целый рожок на 45 патронов. Потом осмотрел Балу: нога разорвана, из живота течёт. Когда Знахарь делал Балу обезболивающий укол, у него было ощущение, что на секунды перестаёт видеть и правый глаз. Потом оказалось, что у него была скальпированная рана волосистой части головы, и завернувшийся лоскут скальпа периодически закрывал правый глаз. Сделав всё, что мог, Знахарь потерял сознание. Очнулся только в санитарной машине. Началась неукротимая рвота.

Долго не могли выехать – их явно пасли беспилотники.

Не дождавшись своей добычи, дроны догнали и взорвали ещё несколько других медицинских машин.

Наконец группу Знахаря доставили в медсанбат в Артёмовске.

То ли от отчаяния, то ли от боли он начал сопротивляться и бузить, когда ему начали резать штаны и берцы. К тому же обидно – бейсболку с характерной эмблемой «Бабр держит куницу» он где-то потерял – подарок иркутских ребят. На самом деле на эмблеме – тигр, но называют его почему-то «бабром», с ударением на первый слог. Он проходил в ней всё время пребывания на СВО.

Необходимые операции провели на высоком уровне. Голову зашили. Ночью вывезли в Луганск, а утром – бортом в Ростов.

Всё ещё плохо слышащие, с кровоточащими ранами, дезориентированные раненые не слишком хорошо понимали, о чём их спрашивали, и сильно тормозили. Раздражённый этим молодой человек, то ли медбрат, то ли фельдшер лет девятнадцати, начал им тыкать и хамить. А что, все добровольцы – рядовые. В форме рядового был и Знахарь. Добровольцы – все раненые бойцы, все возрастные – за сорок лет, кровь течёт – повязки все мокрые и липкие от крови, а этот тыкает! И тут у Валеры упала планка:

– Чё ты сказал?! Встать, мразота! Ты кто такой? Как ты разговариваешь с ранеными?! Как стоишь перед полковником?! Врачей зови! Скажи: «Полковник Логинов здесь!»

Фельдшер побелел. Появились врачи, отправили в отделение.

Но в отделении, проходя и проезжая на каталках (кто как) мимо перевязочной, Логинов стал настаивать на том, что поступившим раненым нужно сделать перевязки.

– Перевязочная закрыта, – был ответ.

Логинов дёрнул дверь. Она открылась, за ней обнаружился сидящий медбрат.

– Нужно сделать перевязки, – сказал Знахарь.

– Завтра, – прозвучал дежурный ответ.

– Ты видишь, все повязки промокли, кровь течёт!

– Вы не видели, как промокают повязки! – огрызнулись в ответ.

Всё! Всё повторилось.

– Врача сюда! – скомандовал Знахарь.

Пришёл дежурных хирург.

– У вас давно проверок не было? Организую! И начальника медицинского управления и главного хирурга! Вы не поедете туда, откуда эти раненые! – Валера не мог остановиться.

После оказалось, коллеги – чудесные люди. Заходили каждый день. Справлялись о здоровье и пожеланиях. Предупредительные такие... Правда, некоторые на передний край всё-таки попали.

Чуть позже туда же, в госпиталь, поступило ещё несколько фельдшеров и санинструкторов из подчинённых Знахаря. Один из них пожаловался на неприятные ощущения в шее:

– Что-то у меня с цепочкой.

Шея была замотана бинтами. Осматривая его, Знахарь заметил, что несколько звеньев толстой металлической цепочки от креста почернели и спаялись – чёрный толстый металл.

– А у тебя рентгеновских снимков шеи не осталось? – без всякой надежды спросил Знахарь у раненого.

– Да, я их на телефоне сохранил, – неожиданно ответил санинструктор.

Логинов посмотрел прилично сфотографированные снимки. На них на уровне шестого шейного позвонка были видны два осколка, смявшие цепочку с двух сторон шеи, и застрявшие в мышцах. Два осколка были остановлены толстой цепочкой, вмяли её в ткани, но рассыпались, оплавив преграду и не убили. Две раны и рубленая рана от цепочки.

Есть истории, в которых пулю останавливал православный крест, но чтобы цепочка остановила сразу два осколка?! И два таких чуда – с шевроном и с цепочкой – случились в один день!

Следующий этап Валериной эвакуации – Москва. Они прилетели на один из московских аэродромов: огромное поле, жуткий холод. Четыре часа на поле. Ждут своей очереди порядка 200 раненых. Ни одного пулевого ранения. Все минно-взрывные. Поистине – бой людей и машин.

Начали распределять по госпиталям. Валерия Ивановича перепутали и вместо госпиталя им. Н.Н. Бурденко направили в госпиталь им. А.А. Вишневого. Уже там он робко задал вопрос, куда его повезут дальше.

– В Улан-Удэ, – прозвучал ответ.

– А ещё какие варианты?

– Хабаровск, Владивосток и Петропавловск-Камчатский!

Валерий Иванович позвонил ведущему хирургу округа, которого прекрасно знал.

– Тут одного хорошего человека хотят отправить в Улан-Удэ, а он из Нижнего Новгорода.

– А что за человек?

– Я.

Через некоторое время в палату вошёл местный хирург.

– Логинов, соберитесь, будем вас переводить сегодня!

– А можно завтра?

– Нельзя! Приказ!

Так Знахарь вернулся в Нижний, в родной госпиталь.

Он был весь в запёкшейся крови. Лицо представляло собой один заплывший синяк. Всё – сплошная гематома. Рука и ноги двигались еле-еле.

На нём были треники с оттопыренными, растянутыми коленями, которые, казалось, уже носило не одно поколение советских людей, грязная футболка и какая-то немыслимая курточка. На ногах тапочки. Короче, одет был как бездомный. Грязный! Бомж из подворотни! Своей одежды у него уже не было. Уж какую одежду в Москве в госпитале нашли под рукой, ту и нашли.

– А мы его не узнали, – оправдывались после медсестрички, – мы думали – бомжа привезли.

Гульнара, встретившая его, непререкаемо объявила:

– Записывайте его! И отпускайте домой! Перевязку я сама сделаю. Отмою и привезу! Хотите, к семи часам! Хотите, к восьми!

Гульнара

Цветок граната на персидском, Гульнара – жена Валеры, много лет работала в госпитале: сначала процедурной сестрой в хирургическом отделении, потом – старшей сестрой стоматологии.

Она всегда знала, что Валера пойдёт на войну.

Он, собственно, никогда не спрашивал, делал то, что должно.

Когда он уехал в первый раз, почти не переживала. Не выпустят. Не то что была спокойна, переживала страшно, но было в ней какое-то предчувствие, которое никогда не подводило.

Но Гуля знала и то, что правдами или неправдами он на линию боевого соприкосновения попадёт.

Когда Валера позвонил и сказал, что приехал по служебной необходимости в Ростов, поняла – он ранен. Спросила:

– Куда ранен? Ранение лёгкое или тяжёлое?

– Кто тебе сказал? – вскинулся Логинов.

– Лёгкое или тяжёлое?

– Лёгкое.

Раз разговаривает, значит – среднетяжёлое, решила она.

Но когда он сообщил, что его могут направить в Улан-Удэ, она взмолилась: «Поднимай всех друзей! Только бы привезли в Нижний!»

Выхаживая мужа, потратила все силы, вложила всю душу. Всё повторяла: «Как хорошо голову зашили. Почти ничего не видно». Осколки выходили постепенно. Многие остались в теле. Вот, например, под глазом кусок металла. Когда Гуля мыла Валеру и видела наклёвывающийся выступ, спрашивала: «Ещё один осколочек. Я его смахну?». Так своей любовью и выходила, поставила на ноги.

Знахарь опять в строю. Он опять у постели больных выполняет свой долг, охраняя их здоровье и жизнь. По праздникам на его форме появляются Георгиевский крест и медали от ДНР. Слава богу, в нашей жизни есть и такие люди, как Валерий Иванович. Их немного, они не на виду, но на них держится Россия. А только Россия – надежда мира!